

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-288-298

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

drakar@ngs.ru

ДРЕВНЯЯ АКАДЕМИЯ И ПЕРИОД РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Установлено, что в философии академиков в период раннего эллинизма существовали две противоположные тенденции. Отчуждение индивида от общества проявилось в усилении морально-этического ригоризма и развитии жанра утешения. Также эта тенденция проявилась в затворническом и аскетическом образе жизни академиков. Стремление к политической активности проявилось в интересе академиков к политике, а также в их участии в государственных делах. Первая тенденция была связана с образованием эллинистических монархий. Вторая тенденция являлась следствием сохранения полисной системы.

Ключевые слова: Древняя Академия, Ксенократ, Полемон, отчуждение индивида от общества, стремление к политической активности.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о соотношении основных тенденций развития в философии академиков в период раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.). Наряду с Ликеем, Академия была крупнейшей философской школой, которая играла заметную роль не только в культурной, но и в общественно-политической жизни Греции и эллинистического мира. Платоновская Академия была старейшей философской школой в Афинах и пользовалась заслуженной славой и уважением. В период раннего эллинизма схолархами Академии были Ксенократ (339–314 гг. до н. э.) и Полемон (314–269 гг. до н. э.). Кроме них заметными представителями школы были такие философы, как Кратет Афинский и Крантор из Сол. В жизни и учениях представителей Древней Академии прослеживаются две тенденции. Первая – это отчуждение индивида от общества. Вторая – стремление к политической активности. Поскольку эти тенденции являются противоположными, то перед нами встает задача объяснить их сосуще-

ствование. В свою очередь, эта задача не может быть решена без ответа на вопрос о происхождении этих тенденций. Но прежде всего следует подробно рассмотреть сами данные тенденции и выяснить, каким образом они проявились в философии академиков.

Почти полное отсутствие источников по Древней Академии не дает возможности полноценно реконструировать философские взгляды ее представителей. Однако отдельные моменты все же поддаются исследованию, благодаря чему общая картина несколько проясняется. Согласно Джону Диллону, Полемон внес значительный вклад в развитие этики Древней Академии (см.: [2005. С. 186]). Именно Полемон заострил внимание на проблеме соотношения добродетели, телесных и внешних благ. В этом вопросе Полемон занял позицию, которая сблизила его со стоиками. Суть этой позиции заключается в признании абсолютной значимости добродетели для достижения счастья. При этом телесные и внешние блага выступают в качестве дополнения к счастью (см.: [Там же. С. 189]). Можно предположить, что позиция Палемона была неким компромиссом между позицией стоиков, которые связывали счастье с одной только добродетелью, и Аристотелем, для которого одной добродетели было недостаточно для счастья. Причем, по мнению Диллона, Полемон скорее был ближе к стоикам, чем к Аристотелю, поскольку в целом разделял положение о том, что добродетель «сама по себе – достаточное условие для счастья» [Там же. С. 188]. Здесь уместно привести фрагмент из «Строматов» Климента Александрийского, в котором озвучивается позиция Палемона и на который ссылается Диллон: «Ученик Ксенократа хотел бы, чтобы счастье состояло в самодостаточности по отношению ко всяким благам. Он говорит, что без добродетели никакое счастье невозможно; и наоборот, добродетели, даже без благ телесных и внешних для счастья совершенно достаточно» [Климент Александрийский, 2003. С. 330]. Как отмечает Диллон, позиция Палемона является собой «пример постепенного ужесточения доктрины Академии в этом вопросе» [2005. С. 188]. На основании этого Диллон делает вывод о том, что «основным нововведением Палемона можно считать усиление этического ригоризма, что предвосхитило доктрину Зенона и его последователей» [Там же. С. 192].

Усиление этического ригоризма в философии академиков было тесно связано с их поведением и образом жизни. Согласно свидетельствам Диогена Лаэртского, Ксенократа и Палемона отличало очень строгое и воздержанное поведение. Сообщается, что оба этих философа поражали окружающих людей своей удивительной невозмутимостью и самообладанием. Ничто не могло вывести их из себя

и заставить проявлять чувства (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184–188])¹. Весьма интересными являются сообщения об образе жизни академиков. Так, упоминается о независимом и крайне скромном образе жизни Ксенократа (см.: [Там же. С. 184]). О Полемоне сообщается, что он, несмотря на почет, которым пользовался в Афинах, «жил затворником в саду Академии, а ученики его селились вокруг» (см.: [Там же. С. 188]). Как отмечает Грейф, переход от участия в государственных делах к частной жизни наблюдался не только в эллинистических школах и Ликее, но также и в Академии. Грейф пишет: «Члены Академии тоже воздерживались от всякой открытой политической деятельности, и говорят, что Ксенократ, как пример другим, вел уединенную, почти “монашескую” жизнь» [Grayeff, 1974. P. 40]. В сведениях о закрытом и непубличном образе жизни академиков нет ничего удивительного, если учесть, что в это же самое время подобный образ жизни вели эпикурейцы, Пиррон и некоторые стоики.

В философии Ксенократ, Полемон и Крантор уделяли повышенное внимание вопросам морали и этики. Известно, что они критиковали тех, кто предавался чистому теоретизированию. Академики настаивали на том, что следует упражняться в добродетели. Как говорил Полемон, «должно упражнять себя на поступках, а не на диалектических умозрениях» [Диоген Лаэртский, 1979. С. 187]. О важности практической составляющей в философии академиков говорит самое известное сочинение Крантора «О горе». Целью данного сочинения была моральная поддержка и утешение человека, потерявшего детей (см.: [Диллон, 2005. С. 256]). Как отмечает Люк Бриссон, Крантор «стал родоначальником жанра утешения, получившего в будущем значительное развитие» [2008. С. 664]. Нельзя не отметить, что представление о философии как врачевании души получило широкое распространение именно в период раннего эллинизма. Как известно, современник Крантора Эпикур говорил: «Пусты слова того философа, которыми не врачуются никакое страдание. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезней души» [Лукреций, 1947. С. 641–643]. Таким образом, на наш взгляд, в философии академиков и их образе жизни просматриваются общие черты, характерные для греческой философии в период раннего эллинизма. Это повышение роли этики, стремление к автаркии и невозмутимости, упражнение в добродетели, идея философии как врачевания души. Все это свидетельствует

¹ Следует отметить, что уже Спевсипп придерживался представления, согласно которому счастье есть состояние невозмутимости (*ασχολησι>α*) (см.: [Климент Александрийский, 2003. С. 330]).

о такой тенденции в философии академиков, как отчуждение индивида от общества.

В то же время в Древней Академии сохранялась и противоположная тенденция – стремление к политической активности. Преемники Платона продолжали активно изучать сферу общественно-политических отношений. Как сообщает Диоген Лаэртский, Ксенократ написал такие сочинения, как «О государстве», «О силе закона», «Политик», «Начала царской власти» к Александру в четырех книгах (см.: [1979. С. 185–186]). Также упоминаются «Речи всенародные» и «Речи посольские» Кратета (см.: [Там же. С. 189]). Ни одно из этих сочинений не сохранилось. Более того, до нас не дошло ни одного фрагмента из этих работ. Единственным, и при этом весьма слабым, источником по политической мысли академиков может служить диалог Платона «Минос». По мнению Кристофера Роу, этот псевдоплатоновский диалог был написан кем-то из академиков как раз в период раннего эллинизма. Как отмечает Роу, отличительной особенностью этого диалога является то, что в нем отражается политическая реальность, сложившаяся в результате завоеваний Александра Македонского и образования эллинистических монархий (см.: [Rowe, 2008. Р. 304]). Главный участник этого диалога – Сократ последовательно проводит мысль о том, что только цари являются знатоками в деле управления государством и законотворчества (см.: [Платон, 1994. С. 587–588]). Роу пишет: «Приверженность идее хорошего царя, который будет издавать “правильные” законы, более типична для эллинистической теории царствования, чем для Платона» [Rowe, 2008. Р. 308]. Мы согласны с Роу в том, что усиление интереса академиков к теории царствования было связано с ростом влияния эллинистических монархий.

Существование в Древней Академии такой тенденции, как стремление к политической активности подтверждается также участием Ксенократа в государственных делах. В свою очередь, это подводит нас к вопросу о политических предпочтениях академиков. В современной науке данный вопрос остается открытым. Ханс Келсен полагает, что в Афинах «на стороне македонской партии была не только философская школа Аристотеля, но и платоновская Академия» [Kelsen, 1937. Р. 56]. Согласно Келсену, доказательством этого служит упоминание о том, что Александр заказал у главы Академии Ксенократа работу, посвященную монархии. Феликс Грейф и Джон Диллон полагают, что академики были сторонниками демократической партии в Афинах, которая боролась с Македонией. Грейф считает, что платоновская Академия выступала на стороне антимакедонской партии Демосфена. По мнению Грейфа, «ее глава в это время, племян-

ник Платона Спевсипп, был, без сомнения, противником Македонии» [Grayeff, 1974. P. 33]. Когда Филипп II осадил Византий (340 г. до н. э.), академик Клеон, отправился в город и, пробуждая боевой дух жителей, способствовал удержанию Византия в войне против Македонии (см.: [Ibid. P. 33]). Особое внимание вопросу о политической позиции Ксенократа уделил Диллон. По его мнению, Ксенократ был сторонником афинской демократии и противником Македонии. В пользу этой версии, по Диллону, можно привести следующие доводы. Во-первых, это плохие отношения между наместником Македонии Антипатром и Ксенократом. Сообщается, что, когда к македонянам прибыло афинское посольство для переговоров после поражения греков в Ламийской войне (323–322 гг. до н. э.), Антипатр не захотел даже слушать Ксенократа. Глава Академии по этому поводу якобы заметил, что «Антипатр правильно делает, что стыдится меня, замышляя против города дурное» (см.: [Диллон, 2005. С. 111]). Во-вторых, согласно Диллону, Ксенократ разделял политические взгляды Платона, которые в «Законах» предстают в виде демократических и антиолигархических. А Антипатр планировал установить в Афинах очень жесткий олигархический режим, который должен был раздражать Ксенократа (см.: [Там же. С. 112]). В-третьих, антимакедонские настроения Ксенократа подтверждаются его отказом от денег и подарков македонских правителей (см.: [Там же. С. 113]).

На наш взгляд, данные аргументы выглядят достаточно слабо. Как отмечает Дройзен, существует два предания о приеме, который оказал Антипатр Ксенократу. По одной из версий, Антипатр действительно приказал замолчать Ксенократу, видимо, по той причине, что философ не был гражданином Афин и не имел, по мнению Антипатра, права участвовать в переговорах. По другой, противоположной версии, Антипатр не только принял Ксенократа с уважением, но и отпустил по его ходатайству нескольких пленных (см.: [Дройзен, 2011. С. 47]). Мнение о демократических взглядах Ксенократа, основанных на идеях Платона, изложенных им в «Законах», также вызывает у нас большое сомнение. Мы полагаем, что Платона никак нельзя считать сторонником демократии, и поэтому версия о демократических взглядах его учеников выглядит неправдоподобно.

Против версии о том, что Ксенократ и академики были противниками Македонии, говорят следующие аргументы. В первую очередь это уже упомянутое участие Ксенократа в афинском посольстве к Антипатру. Дело в том, что Афины и их союзники потерпели полное поражение в Ламийской войне и вопрос стоял о выживании города. Все лидеры антимакедонской партии, в том числе Демосфен, бежали

из Афин. Поэтому посольство, направленное к Антипатру, возглавили те, кто считался сторонником Македонии и кто мог умиловить победителя. В числе таковых оказались Фокион, Демад и Ксенократ (см.: [Там же. С. 47]). Мы полагаем, что было бы очень неразумно со стороны афинян отправлять в качестве посла человека, враждебно относящегося к Македонии и находящегося в недобрых отношениях с Антипатром. Дройзен прямо пишет, что Ксенократ был включен в состав посольства в расчете на то, что его авторитет и хорошие отношения с Антипатром помогут на переговорах (см.: [Там же]). Также следует учитывать тот факт, что Ксенократ поддерживал общение не только с Антипатром, но и с другими правителями Македонии. Источники сообщают о его связях с царями Филиппом II и Александром Македонским (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184–186])². Плутарх также сообщает о дружеских отношениях, которые связывали Ксенократа с диадохом Полисперхонтом и лидером македонской партии в Афинах Фокионом (см.: [Plutarch's Moralia, 1957. P. 71–73; Плутарх, 1964. С. 7]). Сообщается, что Фокион даже учился у Платона и Ксенократа в Академии (см.: [Плутарх, 1964. С. 7]). Да, в источниках неоднократно упоминаются случаи, когда Ксенократ отказывался принять деньги и подарки от македонских правителей (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184]). Но из этого не следует, что философ был противником Македонии и сторонником демократической партии³. Еще одним доказательством того, что академики не являлись сторонниками демократической партии, является история с изгнанием всех философских школ из Афин в 306–305 гг. до н. э. (см.: [Феофраст, 1974. С. 54–55]). Этот закон был принят как раз сторонниками народной партии и распространялся в том числе на Академию. Таким образом, мы полагаем, что Ксенократ и другие академики не являлись убежденными сторонниками ни одной из враждующих в Афинах в период раннего эллинизма партий. Участие Ксенократа в афинском посольстве, на наш

² Представителей Академии и македонских царей связывали давние и непростые отношения. Так, сообщается, что некий ученик Платона Евфрей находился при дворе царя Македонии Пердикки III. Позднее он стал решительным противником Филиппа II (см.: [Демосфен, 1995. С. 122, 521]). Также до нас дошло письмо Спевсиппа к Филиппу II, где философ, как пишет Диллон, «пытается заигрывать с Филиппом от имени Академии» и оправдывает завоевания македонского царя (см.: [Диллон, 2005. С. 47]).

³ Тот же Фокион считался образцом честности и неподкупности. Он неоднократно отказывался от денег и подарков македонских властителей. Однако в Афинах на него все равно смотрели как на сторонника Македонии и олигархии. В итоге он поплатился за это жизнью (см.: [Плутарх, 1964. С. 16–18; Корнелий Непот, 1992. С. 80–81]).

взгляд, говорит только о его теплых чувствах к Афинам и готовности помочь этому городу в час нужды и опасности.

Как мы видим, в философии академиков существовали две противоположные тенденции, ни одну из которых нельзя назвать доминирующей. С одной стороны, академики стремились к невозмутимости и независимой жизни. Они придавали большое значение нравственному совершенствованию индивида и непреклонному следованию моральным принципам в жизни. Они предпочитали тихую и уединенную жизнь в кругу единомышленников. С другой стороны, академики активно интересовались вопросами общественно-политического развития. Они писали политические сочинения на разные темы. Некоторые из этих работ были посвящены теории царствования, что говорит о живом интересе академиков к тем политическим изменениям, которые происходили в Греции в период раннего эллинизма. Также некоторые академики, побуждаемые благородными целями, принимали непосредственное участие в политической деятельности.

Что касается происхождения этих тенденций, то здесь, на наш взгляд, ситуация обстоит следующим образом. В науке уже давно сформировалось представление о греческой философии в эпоху эллинизма как философии отчуждения. Доказательством этого служит то, что во всех философских учениях эллинизма теоретическая часть была подчинена практической цели достижения безмятежности и невозмутимости. Также с этой целью были связаны такие черты эллинистической философии, как индивидуализм и стремление к независимости от внешних обстоятельств. Считается, что эти особенности греческой философии сформировались в условиях образования эллинистических монархий и потери греческими полисами политической независимости (см.: [Zeller, 1880. P. 10–17; Лосев, 2000. С. 7–13]).

Мы согласны с этим представлением, но лишь отчасти. Дело в том, что данная научная теория хорошо объясняет происхождение одной тенденции в философии Древней Академии – отчуждение индивида от общества. Но она не объясняет существование другой тенденции – стремления к политической активности. На наш взгляд, наличие этой тенденции в философском учении академиков говорит о сохранении полисной системы в Греции в период раннего эллинизма. Мы разделяем мнение о том, что в данный исторический период полис не погиб и продолжал играть важную роль в жизни Греции (см.: [Hansen, 2004. P. 16–22; Billows, 2003. P. 196–215]). А вместе с тем сохраняли силу и полисные традиции, из которых одной из главных было активное участие граждан в политической жизни государства. Таким образом, мы полагаем, что обе тенденции в философии Древней Ака-

демии были обусловлены социально-историческим развитием Греции в период раннего эллинизма. Тенденция к отчуждению индивида от общества была связана с образованием эллинистических монархий. Тенденция к политической активности являлась следствием сохранения полисной политической организации.

Подведем итоги. Как мы установили, в философии академиков в период раннего эллинизма существовали две противоположные тенденции, ни одна из которых не была доминирующей. С отчуждением индивида от общества были связаны усиление морально-этического ригоризма в философии Полемона и развитие жанра утешения в философии Крантора. Также эта тенденция проявилась в затворническом и аскетическом образе жизни академиков. Со стремлением к политической активности был связан серьезный интерес Ксенократа и Кратета к политике, а также участие Ксенократа в государственных делах. Происхождение этих тенденций мы связываем с той политической обстановкой, которая сложилась в Греции в период раннего эллинизма. Тенденция к отчуждению индивида от общества усилилась у академиков под влиянием образования эллинистических монархий. Существование тенденции к политической активности объяснялось сохранением полисной системы.

Список литературы

Бриссон Л. Традиции платонизма и аристотелизма // Греческая философия / Под ред. М. Канто-Спербер: В 2 т. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2008. Т. 2.

Демосфен. Речи: В 3 т. М.: Памятники исторической мысли, 1995. Т. 3.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Диллон Дж. Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Дройзен И. Г. История эллинизма. История диадохов. М.: Академ. проект; Киров: Константа, 2011.

Климент Александрийский. Строматы: Кн. 1–3. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Кн. 1.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000.

Лукреций. О природе вещей. Ленинград: АН СССР, 1947. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла.

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 3.

Феофраст. Характеры. Ленинград: Наука, 1974.

Billows R. Cities // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Blackwell Publ., 2003. P. 196–215.

Grayeff F. Aristotle and his School. London: Duckworth, 1974.

Hansen M. H. The Lifespan of Hellenic Polis // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Eds. M. H. Hansen, Th. H. Nielsen. Oxford Univ. Press, 2004. P. 16–22.

Kelsen H. The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy // International Journal of Ethics. 1937. Vol. 48. No. 1. P. 1–64.

Plutarch's Moralia: In 15 Vols. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press. London: William Heinemann Ltd, 1957. Vol. 7.

Rowe C. Cleitophon and Minos // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought / Eds. C. Rowe, M. Schofield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 303–309.

Zeller Eduard. Stoics, Epicureans and Sceptics. London: Longmans, Green, and Co, 1880.

Материал поступил в редколлегию 03.09.2018

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drakar@ngs.ru

THE OLD ACADEMY AND THE EARLY HELLENISTIC PERIOD

The paper shows that the philosophy of academics in the period of early Hellenism contained two opposite tendencies. The alienation of the individual from society, which manifested itself in the strengthening of moral and ethical rigorism and the development of the genre of consolation. This tendency was also seen in the reclusive and ascetic way of life of academics. The desire for political activity was manifested in the interest of academics in politics, as well as in their participation in state affairs. The first tendency

was associated with the formation of Hellenistic monarchies. The second tendency was a consequence of the preservation of the Greek polis.

Keywords: Old Academy, Xenocrates, Polemon, alienation of the individual from society, the desire for political activity.

References

Brisson L. Traditsii platonizma i aristotelizma [Traditions of Platonism and Aristotelian]. *Grecheskaya filosofiya [Philosophie Grecque]*. M. Kanto-Sperber (ed.): In 2 vols. Moscow, Greko-latinskii cabinet Yu. A. Shichalina, 2008, vol. 2. (In Russ.)

Demosfen. *Rechi [Speeches]*: In 3 vols. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1995, vol. 3. (In Russ.)

Dillon J. *Nasledniki Platona: Issledovanie Drevnei Akademii (347–274 gg. do n. e.) [The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B.C.)]*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2005. (In Russ.)

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives of Eminent Philosophers]*. Moscow, 1979. (In Russ.)

Droizen I. G. *Istoriya ellinizma. Istoriya diadokhov [Geschichte des Hellenismus. Geschichte der Diadochen]*. Moscow, Akadem. Proekt Publ., Kirov, Konstanta Publ., 2011. (In Russ.)

Feofrast. *Kharaktery [The Characters]*. Leningrad, Nauka, 1974. (In Russ.)

Kliment Aleksandriiskii. *Stromaty [Stromata]*: Books 1–3. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003. Book 1. (In Russ.)

Kornelii Nepot. *O znamenitych inozemnykh polkovodtsakh [De Viris Illustribus]*. Moscow, MGU Publ., 1992. (In Russ.)

Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki. Rannii ellinizm [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]*. Moscow, AST Publ., 2000. (In Russ.)

Lucretius. *O prirode veshchei [De Rerum Natura]*. Statĭ i, kommentarii, fragmenty Epikura I Empedokla. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1947, vol. 2. (In Russ.)

Plato. *Sobranie sochinenii: V 4 t. [Collected Works]*. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 4. (In Russ.)

Plutarch. *Sravnitelnye zhizneopisaniya [Parallel Lives]*: In 3 vols. Moscow, Nauka, 1964, vol. 3. (In Russ.)

Billows R. *Cities. A Companion to the Hellenistic World*. A. Erskine (ed.). Blackwell Publ., 2003, p. 196–215.

Grayeff F. *Aristotle and his School*. London, Duckworth, 1974.

Hansen M. H. The Lifespan of Hellenic Polis. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. M. H. Hansen and T. H Nielsen. (eds.). Oxford Univ. Press, 2004, p. 16–22.

Kelsen H. The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy. *International Journal of Ethics*, 1937, vol. 48, no. 1, p. 1–64.

Plutarch's Moralia: In 15 vols. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press, London, William Heinemann Ltd, 1957, vol. 7.

Rowe C. Cleitophon and Minos. *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. C. Rowe & M. Schofield (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008, p. 303–309.